

ЯНА ЧЕХАНОВЕЦ: «МЫ ОБНАРУЖИЛИ ЗДАНИЕ, КОТОРОЕ ИЩУТ СТО ЛЕТ».

Беседу ведет ВЛАДИМИР МАК

Яна Чехановец — соруководитель (вместе с Дороном Бен-Ами) раскопок на парковке Гивати в Иерусалиме. Управление древностей Израиля уже девять лет ведет эти раскопки — самые масштабные со времен тех, которые велись в этом районе после Шестидневной войны. Пять тысяч квадратных метров, на которых шестнадцать Иерусалимов, один на другом. Раскопки сейчас проходят на том месте, где раньше не копал никто.

Владимир Мак → Ведь раскопки в Городе Давида никогда не прекращались?

Яна Чехановец ← Город Давида — самая раскопанная площадка в мире, не только в Израиле. С тех пор как появилась библейская археология, то есть наука, призванная подтвердить Священное Писание, и стало понятно, что историческое ядро Иерусалима — Храмовая гора и ее окрестности, все бросились в этих окрестностях искать дворцы Давида и Соломона. Дворцов за 150 лет так и не нашли, но нашли много интересного. Самыми важными экспедициями были раскопки англичан во главе с Кэтлин Кеньон в 1960-х и Еврейского университета во главе с Игалем Шило в 1970-х годах.

ВМ → Сразу после Шестидневной войны.

ЯЧ ← Именно. Единый Иерусалим сразу открылся для науки. Это было очень важно для государства — создавалась историческая основа для новой страны. Фактически только тогда древний Иерусалим попал в израильские руки. Были проведены значительные раскопки в еврейском квартале Старого города — ими руководил Биньямин Мазар — и у подножия Храмовой горы — под началом Нахмана Авигада. И те и другие курировал Иерусалимский университет. Окрестности Храмовой горы были раскопаны с запада, где Стена Плача, и с юга. С востока раскапывать не позволяло кладбище, с севера — постройки мусульманского квартала.

ВМ → А также Виа Долороза.

ЯЧ ← Верно. Собственно, сегодня ничего не изменилось. В Городе Давида работало порядка пятидесяти археологических экспедиций. Как тяжелая бомбардировка! Сегодня археологи перекапывают то, что уже копались, пытаются поймать то, что потеряли предыдущие.

ВМ → Эти пятьдесят обладали разной степенью компетентности?

ЯЧ ← Был другой уровень знаний. Сто лет назад археологи открывали памятники, сохраняли целые предметы и выбрасывали мелочь. Не обращали внимания на почву, на слои. Это сегодня проводят стратиграфические раскопки, разбивая территорию на квадраты. Нельзя предыдущие поколения обвинять в некомпетентности. Для своего времени они были лучшими, и про нас через пятьдесят лет скажут, что мы копали, как варвары. Все эти раскопки проходили там, где сейчас территория национального парка «Город Давида». Через дорогу от него была незастроенная зона, в которой никогда не копали, поскольку считалось, что древнего Иерусалима там нет.

На картах и на макете Иерусалима времен Первого храма город имел форму кишки, простиравшейся на юг от Храмовой горы. Придумали такую концепцию, поэтому на десять метров в сторону

Кэтлин Кеньон на раскопках. Иерихон. 1952–1958. Фото А. Рейнольдса.

никто не копал. И тут произошло чудо. На месте парковки Гивати (та самая незастроенная зона через дорогу), на которой мы парковались, уводя туристов в Старый город, решили строить туристический центр при Городе Давида.

Поскольку весь Иерусалим с окрестностями объявлен историческим памятником, любые работы, уходящие в землю глубже чем на сорок сантиметров: прокладка шоссе, установка фонарного столба, — требуют присутствия инспектора Управления древностей. И если что-то находят, работы прерываются, находки фиксируются, разбираются, а потом уже прокладывают себе шоссе или кабель. В нашем случае речь шла о самом центре исторической зоны, и было бы глупо начинать там строительство, не раскопав предварительно. И Управление древностей включилось в эту работу. Предполагалось, что раскопки пройдут года за полтора-два. Участок большой — 5000 квадратных метров. Каково было изумление, когда оказалось, что там потрясающая сохранность археологических слоев, поскольку это склон, а на склоне всегда все сохраняется лучше, чем на плоскости. Стены высотой пять-шесть метров и шестнадцать городов один на другом! Поэтому мы копаем уже девять лет и все никак не докопаем.

ВМ → То есть ни о каком строительстве не может быть и речи?

ЯЧ ← По плану главного архитектора Арье Рахамимова сверху должно быть здание, а внизу парковка. Ведь уничтожили городскую парковку, следовательно, ее надо восстановить. Все это должно уходить довольно глубоко в землю, поскольку до стен Старого города там не более 30 метров, а выше этих стен ничего поблизости быть не может. Первые годы раскопок архитектор приходил, смотрел, хватался руками за голову и уходил. Сегодня понятно, что проект должен быть переделан, поскольку нижний этаж, предназначенный для парковки, занят ценнейшими древностями, и без разрешения Управления древностей ничего строить не будут. Причем это не мозаика, которую можно вырезать и вывезти, это город, который стоял до наших дней и, даст Б-г, будет стоять дальше.

Сегодня абсолютно ясно, что Иерусалим был значительно шире нынешнего Старого города: он был и там, где мы копаем, и продолжался во все стороны света. К югу, в сторону источника Гихон, копали англичане в 1927 году, и мы знаем, что там. К востоку только начали копать около дороги, клочками, и естественно, там тоже оказались древности, а на севере все находится под шоссе, идущим вдоль стен. И сколько надо приложить усилий, чтобы раскопать этот участок! Ведь невозможно перекрыть путь к Стене Плача и Храмовой горе для транспорта с туристами! Скорее всего участок под шоссе раскопан будет лет через сто. И это к лучшему. Поскольку копать будут лучше, чем мы сейчас. А пока в земле целее будет.

Наши учителя говорили, что археология — деструктивное, разрушительное занятие. Когда раскапываешь слои, то, чтобы спуститься вниз, к более древним, ты вынужден разбирать те, которые находятся выше. Но никто тебе не гарантирует, что внизу ты найдешь что-нибудь интереснее, чем сверху. Например, мы раскопали византийский сад и шестиметровой ширины улицу, ведущую от города к Шилоаху — Силоамской купели, где был важный паломнический центр у места исцеления слепого, — церкви, странноприимные дома. Человек, шедший к купели, видел по сторонам улицы сады и огороды. Мы прокопали поделенные на участки и укрепленные террасами грядки VI века. Это очень круто — ведь в Иерусалиме нет садов! Но если бы мы на этом остановились, то не нашли бы древнеримского дома, находившегося под этими садами и разрушенного землетрясением в середине IV века. Для археологов все, что разрушено землетрясением, очень привлекательно. Стены и крыши складываются, погребая и консервируя под руинами содержимое. Мы получили срез богатого дома, абсолютно языческого. Кстати, землетрясение произошло в день смерти Юлиана Отступника в 363 году. Язычники пишут, что природа горевала, христиане — что она ликовала. А мы раскопали дом, разрушенный в результате этого горя или радости.

ВМ → А византийские сады пришлось снести?

ЯЧ ← Сносить до конца ничего нельзя. Археолог должен оставить потомкам памятники всех эпох. Византийскую улицу мы оставили как ступеньку в глубь веков. На раскопках меня навещал приятель и, спускаясь по лестнице, спрашивал: «Мы сейчас в каком веке?» Современный слой называется «уровнем дневной поверхности». Высота бывшей стоянки — 703 метра над уровнем мирового океана, мы сейчас на уровне 692 метров. Участок очень большой, поэтому

мы поделили его на части. Пять тысяч квадратных метров для современной археологии — это колоссальная территория.

ВМ → Раньше это считалось бы меньшей площадью?

ЯЧ ← Да. Например, раскопки Игаля Ядина на Масаде. Масаду раскопали за три года! Полквадратного километра. И раскопали хорошо! Было очень много людей, были выделены большие деньги, и работали по-другому, конечно. Сейчас пять тысяч — огромная территория, поэтому мы решили взять один квадратик и раскопать его сверху донизу, чтобы понять, как идут один за другим слои. И немного обалдели: на самом верху у нас IX век н. э., аббасидский период, а в самом низу — IX век до н. э., на 100 лет позже Давида и Соломона. После первого квадрата у нас уже было представление, что нас ждет дальше. И тогда мы стали копать кусок за куском, а потом соединять их между собой. Совершенно безумная работа. Ведь раскопки велись не в занесенном песками древнем городе, а в центре живого и большого города и велись без перерывов, зимой и летом, на протяжении девяти лет. Думаю, такой работе действительно нет аналогов в мире. Если это перевести в стандартный археологический режим — полтора месяца в год, то получится, как новгородская экспедиция: начали в 1930-х годах и копают до сих пор.

Раскопки на участке Гивати. Фото Оливье Фитусси

ВМ → Помогает то, что дожди у нас идут нечасто.

ЯЧ ← Зимой мы ставим настоящую теплицу, с целлофановой крышей и металлическими опорами, летом работаем под сетками. Работаем при любой погоде, кроме снегопада. У нас отработала половина молодежи Иерусалима — после демобилизации, очень удобно: с раннего утра до трех, а вечером можно учиться и гулять. Я иду по Иерусалиму и постоянно здороваюсь с бывшими рабочими.

ВМ → Кто-то, пойдя подрабатывать, избрал археологию профессией?

ЯЧ ← Человек тридцать. Но вернемся на раскопки. Иерусалим копан-перекопан, и казалось, что мы все про него знаем. Не знаем ничего. Из-за того что участок большой, резолюция совсем не та, какую мы получали на раскопках последние несколько десятков лет. Благодаря широкому полю зрения ты видишь не то, как одна стенка соединяется с другой, а видишь, как город растет, ужимается, перестраивается, — глобальные процессы. И можно посмотреть на публикации предыдущих лет и либо порадоваться, что мы видим то же самое, что видели наши коллеги сто лет назад, либо понять, что они ошиблись. Главные наши достижения начинаются с топографии. Упомянутая «кишка» должна быть расширена чуть ли не вдвое, поскольку у нас есть дома IX века до н. э. Значит, город тогда был не такой маленький, как было принято считать еще восемь лет назад. Иерусалим зажат между двумя ручьями: Кедром с востока и Терапионом с запада. Полагали, что Терапион проходил там, где сейчас дорога,

ведущая в Силоам. Оказалось, что он проходит еще западнее наших раскопок, ближе к Сионской горе и Церкви петушиного крика. Найден совершенно фантастический материал аббасидского периода, про который мы вообще ничего не знали. VIII–X века — темные. Ранний ислам, Омейяды — это кочевники, пришедшие в классическую культуру и впитавшие ее, что видно в строительстве мечетей на Храмовой горе. У Аббасидов совсем другая культура, не имеющая к античному миру никакого отношения. Исторических источников об этом времени у нас нет вовсе, христианское паломничество в это время не существовало, а арабская историография начнется лет на 150 позже. Старые археологи снимали эти слои бульдозерами, они им были неинтересны. Мы раскопали открытый рынок. Зданий нет, есть несколько цистерн для воды, как потом оказалось, гораздо более ранних. Вероятно, рыночные лавки были деревянными. Они не сохранились, но сохранилось около ста мусорных ям рядом с этими лавками. Следившее за экологической обстановкой древнее общество мусор закапывало в землю.

ВМ → Хочешь выжить — соблюдай законы гигиены.

ЯЧ ← А как же! При раскопках в Рамле, например, видно, что вредные производства — скажем, кожевенные — располагались в соответствии с розой ветров. По содержимому ям мы можем точно сказать, в какой части рынка чем торговали. Например, посуда, битая на крупные куски. Вспоминаешь сказку «Король Дроздобород», где всадник разбил посуду в посудной лавке. Размер кусков говорит о том, что тут именно посуду и продавали. А в другой яме — кости животных, куриные кости.

ВМ → Мясной ряд.

ЯЧ ← А тут сидел резчик по кости и делал всякие штучки. Мы определили пять стадий обработки кости — получение ее от мясника, очистка, шлифовка, разрезка на плашки и в конце уже готовые бусинки. Причем видно, что на одном месте сидело два поколения этих резчиков, вероятно, отец и сын. Непонятно, каким образом в этих ямах сохранилась органика, которая в Иерусалиме не сохраняется вообще. В ямах мы нашли сотни, тысячи виноградных косточек. Не может быть! — сказали мы друг другу. Но факт остается фактом. Два года наша девочка сидела в лаборатории Бар-Иланского университета, разбирая и определяя семена под микроскопом. Определили порядка сорока видов растений. Теперь у нас есть полное меню города IX века. Такого нет ни для одного другого периода. Там есть и очевидные продукты — финики, горох. Наличие винограда тоже понятно, но не в таких количествах. Съесть или переработать на виноградный мед столько невозможно. Это явно виноград под вино. Кто его делал и кто его пил?

ВМ → Можно предположить, что в то время мусульмане позволяли себе выпивать?

ЯЧ ← Можно, но можно предположить и более простые ответы. В южной части города были еврейский и караимский кварталы. Его жителям пить вино ничто не препятствовало. Христиан из города тоже никто не выгонял, их просто в это время было мало. Еще одна фантастическая находка — баклажаны. Предполагалось, что на Ближний Восток баклажаны попали в эпоху крестовых походов, а наши находки — на двести лет раньше. Нашли семена клубники, разные сорта древесины. Нашли водопровод, канализацию. Принято считать, что при Аббасидах город пришел в упадок, но вот, оказывается, нет. Ведь водоснабжение, гигиена — это дело не отдельных семей, а городской администрации.

Полтора месяца назад мы доложили своим коллегам на ежегодной конференции по новинкам археологии Иерусалима, а месяц назад сообщили всему миру, что мы обнаружили здание, которое ищут сто лет. Это — Акра. Так называлась греческая крепость, построенная по приказу Антиоха Епифана, когда Селевкиды взяли Иерусалим. В империи Александра Македонского и в наследовавшей ей империи Селевкидов в провинциях находились гарнизоны, поддерживавшие порядок в городах, и для них строили крепости.

Наконечники стрел, на которых отчеканен символ правления Антиоха Епифана, и пращные пули. Фото Оливье Фитусси

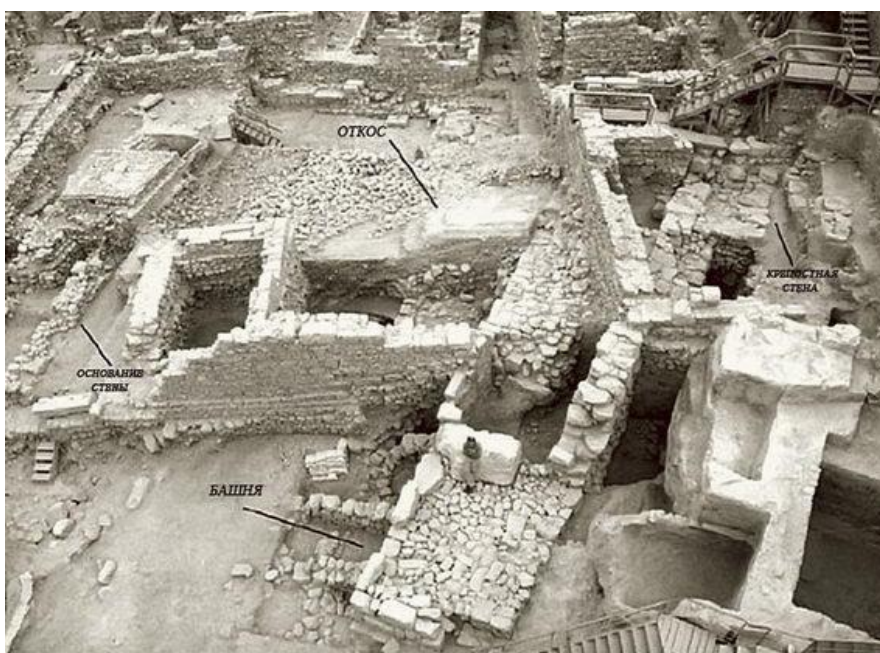
Акра была настолько мощной крепостью, что во время восстания Маккавеев, когда евреи отвоевали Иерусалим, очистили Храм и опять зажили своей еврейской жизнью, Акру они взять не смогли. В течение первых двадцати лет правления династии Хасмонеев они раз за разом пытались ее штурмовать и всякий раз безуспешно. Наконец, при Шимоне Маккавее Акру взяли, и даже был в честь этого установлен праздник. Мы знаем об этом из I Книги Маккавеев и по подробному, но, вероятно, менее достоверному описанию Иосифа Флавия в «Иудейских древностях». В Акре жили греческие солдаты, туда же сбежались те, кто принял греческую культуру и был готов ходить в гимнасий заниматься спортом, читать книги на иностранных языках, поклоняться чужим богам и пить некошерное вино. Вероятно, извне жителям Акры помогали, иначе как можно было продержаться двадцать лет. Под конец, видимо, число сочувствующих сошло на нет, силы у защитников тоже, и мощным ударом Акра была взята. Флавий пишет, что сооружение было таким гигантским, что возвышалось над Храмом. Оказалось, что фрагменты этого здания давно уже находят в этом районе, но они не складывались в единую конструкцию. А сейчас сложились, поскольку нам удалось обнаружить кусок монструозных сооружений. Часть стены, тонковатой для стены города, но очень мощной. К этой стене примыкает башня, которая, как мы можем судить, возвышалась еще метров на восемь по сравнению с тем, что мы нашли. И от этой башни и стены вниз, на запад, в Терапион, спускается крутая насыпь под углом около 40 градусов. В разрезе видны слои, эту насыпь составляющие. Слои битых черепков, слои камня, слой толченого мела или извести, опять слой камня, черный органический слой, вероятно, деревья и так далее. Их множество, порядка тридцати. Все это подходит под углом к стене и башне. Это не насыпь для подъема и осады, как на Масаде, это — оборонительная насыпь, по ней подняться крайне сложно. На поверхности насыпи мы нашли много наконечников стрел, в основном бронзовых, с изображением трезубца — символа Селевкидов. Нашли пращевые камни, которыми стреляли либо из пращи, как в свое время Давид, либо из обычной рогатки. Нашли много ручек амфор с острова Родос; амфора — предмет не местный, здесь зерно и вино хранили в кувшинах. На ручках отпечатки, по которым можно датировать производство с точностью до десяти–пятнадцати лет. Нашли тонны монет. Все предметы и, главное, архитектура сложились в общую картину Акры.

ВМ → Я помню, как на первых учебных экскурсиях по Иерусалиму лет 25 назад нам говорили, что неизвестно, где находится Акра.

ЯЧ ← Когда я училась археологии, нам показывали карту с тридцатью точками, где могла бы располагаться Акра. В последние годы была принята версия недавно скончавшегося Йо-рама Цаффира о том, что часть Акры сохранилась в восточной стене Храмовой горы. Там, недалеко от Золотых ворот, есть шов и видны разные кладки — иродианская и какая-то другая. Цаффир и предположил, что это — кладка Селевкидов. Когда мы стали понимать, что раскапываем Акру, но до конца не были уверены, то стали звать всех корифеев — у нас раскопки открытые. Первым позвали Цаффира. Ему трудно было с нами согласиться. Он долго думал,

играл с нами в игру «докажи мне, что я неправ», в которую мы постоянно играем друг с другом, но серьезных опровержений мы от него не услышали. А потом стали звать всех крупных археологов-античников, они были в полнейшем восторге. И тут оказалось, что тридцать лет назад профессор истории Тель-Авивского университета Бецалель Бар-Кохба написал обширную статью, в которой исключительно на материале письменных источников точно указал то место, где мы копаем. Даже — на какой высоте должен находиться фундамент. Именно на ней мы его и обнаружили.

В процессе обсуждений я всех доставала сомнениями — ведь у Флавия написано, что Акра была выше Храма, а мне возражали: Маккавеи, так долго осаждавшие Акру, наконец разрушили ее и преувеличили свои достижения. А Флавий записал этот фольклор. Ведь выше Храма ничего быть не могло. Открытие Акры, несомненно, событие, поскольку любое археологическое открытие, связанное с Библией, всегда производит большое впечатление в мире. В Италии сейчас нашли неразграбленную этрусскую гробницу. Для археологов это буквально взрыв — как гробница Тутанхамона. Но миру это менее важно, потому что это не царь Соломон, не Иисус Христос и не Шимон Маккавей.

Раскопки Акры, участок Гивати. Фото Оливье Фитусси

А в последнюю неделю разговоры у нас только о булле — об оттиске печати, найденном при археологических раскопках через дорогу от нас в Офеле — у подножия Храмовой горы — экспедицией Эйлат Мазар. На печати написано: «принадлежит Хизкияу, царю Иудеи», то есть царю VIII века до н. э. Это просто фантастика! Упоминание библейских царей на артефактах крайне редко. У нас есть уже целый список артефактов с именами людей, упомянутых в Библии. Их немало — имен пятьдесят, если не больше. Печатей в частных коллекциях крутится много. Какие из них поддельные, определить сложно. Сегодня археологическое сообщество, во всяком случае вменяемая его часть, придерживается мнения, что предметы вне археологического контекста вообще не должны рассматриваться. Их не должны покупать музеи, о них нельзя писать научные статьи и включать в каталоги по двум причинам. Во-первых, это поощряет грабительские раскопки: любой Вася или Махмуд, в зависимости от места его проживания, расковыривает какую-нибудь гробницу с желанием найти что-то и продать. Коллекционер, покупающий у антиквара монеты, сосуды, может и не знать, откуда они. Это такая серая зона: вроде законно собирать древности, но ведет к уничтожению памятников. Грабители вынимают вещи из контекста. Во-вторых, сложно отследить подделки. Подделки не современное изобретение. Торговали поддельными древностями и в Древнем Риме. Существуют древние фальшивые монеты — сверху серебряные, а колупнешь — бронзовые. Все крутящиеся в свободном полете мелкие предметы сложно рассматривать всерьез. Рассматривать можно только найденное на раскопках. Здесь не подкинешь. Булла, о которой мы говорим, вообще вышла из просеивания. Булла — цвета земли, это необожженная глина,

на которой есть оттиск печати. Ее в поле опознать почти невозможно. Весь материал слоя железного века именно из-за этих булл отправляется на просеивание, причем мокрое. Весь грунт грузится в большие мешки и перемывается в ситах, откуда выходят мелкие предметы, которые в процессе самих раскопок глазом заметить очень сложно. Так нашли и эту буллу. Надпись очень четкая. То, что это вышло из раскопок, из слоя периода правления Хизкияу, означает, что вещь несомненно настоящая и ее ценность очень велика.